

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.05

ДИНАМИКА СТРАТЕГИИ УСТРАШЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Чупрына Ольга Геннадьевна¹,
Алешина Екатерина Юрьевна²

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

ochupryna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-3764>

² Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

alcatherine@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1014>

Аннотация. Актуальность исследования публичного политического дискурса на предмет реализации стратегии устрашения связана, с одной стороны, с современными геополитическими реалиями, с другой — с необходимостью изучения коммуникативного выражения стратегий войны в политическом дискурсе. Цель статьи — выявить особенности реализации стратегии устрашения в публичном дискурсе британских политиков. Ведущим методом в исследовании является диктемный анализ, который позволяет выявить типы информации в информационном комплексе диктемы как элементарной тематической единицы текста. Исследование проведено на материале выступлений британских премьер-министров У. Черчилля, М. Тэтчер, Т. Блэра и Б. Джонсона. В статье выявлены особенности реализации устрашения как коммуникативной стратегии посредством диктемной информации (фактуальной, коммуникативно-установочной, интеллективной, импрессивной). В результате исследования были установлены инвариантные пропозиции в речевой стратегии устрашения в речах британских премьер-министров и вариативный репертуар лексико-семантических средств развертывания данных пропозиций в текстах их выступлений. Был сделан вывод о том, что сочетаемость фактуальной и эмотивной информации является

одним из способов устрашения, а агональность является индивидуальной переменной речевой характеристикой.

Ключевые слова: публичное политическое выступление, стратегия устрашения, диктема, диктемная информация.

Для цитирования: Чупрына, О. Г., Алешина, Е. Ю. (2022). Динамика стратегии устрашения в британском политическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(48), 59–72. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.05

Original article

UDC 811.11-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.05

DYNAMICS OF INTIMIDATION STRATEGY IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Olga G. Chupryna¹,
Ekaterina Yu. Aleshina²

¹ Moscow City University,
Moscow, Russia

ochupryna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1014>

² Penza State University,
Penza, Russia

alcatherine@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1014>

Abstract. The issue of inducing fear or awe as a speech strategy is in focus of the current discourse studies relating to the world political reality. It is predetermined by the necessity of examining the communicative elucidation of war strategy in political discourse.

The article aims to reveal linguistic and textual features of intimidation strategy manifestation in the public discourse of British politicians. Dictemic analysis of the text is employed as a key research method. Public speeches of W. Churchill, M. Thatcher, T. Blair and B. Johnson form the empirical material of the research. It is argued that various types of dictemic information serve as a basis of intimidation strategy manifestation in speech. The results of the research comprise invariant propositions underlying the intimidation strategy in public speeches of British prime-ministers, and variable repertoire of lexical and semantic means of unfolding these propositions in their texts. The conclusion was made that combination of factual and emotive information is one of the means of inducing fear and awe, while the agonism is an individual variable speech characteristic.

Keywords: public political rhetoric, intimidation strategy, dicteme, dicteme information.

For citation: Chupryna, O. G., Aleshina, E. Yu. (2022). Dynamics of intimidation strategy in British political discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 59–72. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.05

Введение

Среди многочисленных дискурсивных исследований изучение политического дискурса занимает одно из центральных мест. При этом особый исследовательский интерес представляет публичное политическое выступление в стадии обострения конфликтной ситуации, на этапе его эскалации, поскольку конфронтация сторон имеет яркое выражение в коммуникации. Поведение сторон конфликта в психологическом аспекте можно описать в терминах психологических стратегий поведения в конфликте, выделенных К. Томасом и Р. Килменном. Противопоставленные стратегии партнерства и напористости имеют выражение в тактиках противоборства, избегания, уступки, компромисса и сотрудничества (Thomas, Kilmann, 1974). Дискурсивное выражение конфликта может быть описано посредством обращения к военным стратегиям, одной из которых, по наблюдениям Роберта Грина, американского автора научно-популярной литературы о мотивах и устремлениях, которые движут людьми в обыденной жизни и политическом и военном соперничестве, является стратегия утрашения (Greene, 2018).

Вслед за учеными, отмечающими «эмоционализацию современного медиадискурса» (Ozyumenko, Larina, 2021, с. 747), можно утверждать, что происходит эмоционализация политического дискурса, которая осуществляется за счет сосредоточения внимания говорящего и слушающего на страхе как основополагающей эмоции человеческого бытия. В этой связи исследователи подчеркивают, что в реализации стратегии утрашения в англо-американских и британских медиатекстах семантический и прагматический баланс языковых средств смещается в сторону таких лексических единиц, как *threat* («угроза») и *fear* («страх») (Ozyumenko, Larina, 2021). По мнению Фрэнка Фуреди, специалиста в области социологии страха, в конце XX в. произошло смещение западного общества от единодушного объединения вокруг гармоничного нравственного поведения к моральному смятению и беспорядку, имевшему своим результатом фатализм. Общество, как считает Ф. Фуреди, стало менее уверенным, более озабоченным рисками и безопасностью, что заставило людей страшиться неизвестности и видеть в будущем угрозу. Ученый разделяет мнения других ученых, постулирующих существование в современном обществе так называемых тихих страхов (*quiet fears*) повседневной жизни, которые вместе с политикой страха (*politics of fear*), страхом преступлений (*fear of crime*) и страхом перед будущим (*fear of the future*) формируют культуру страха и нарратив страха (*the narrative of fear*), который влияет на восприятие и интерпретацию страха (Furedi, 2018). Как отмечают исследователи, страх как производная от интерпретации страха входит в жизнь через нарратив угрозы (Ciovacco, 2020).

Формирование культуры страха началось вскоре после Первой мировой войны, продолжилось до Второй мировой войны и усилилось с наступлением холодной войны. На протяжении всего процесса формирования речевая

стратегия устрашения и задействованные в ее реализации языковые средства динамически развивались, изменяясь в выступлениях исторически сменявшихся британских политических лидеров. Речевая репрезентация угрозы и расчет на производимый ею страх используются политиками как один из способов обоснования принимаемых ими решений в кризисных ситуациях (Ciovasco, 2020).

Исследование речевых приемов внушения страха и способов устрашения конфликтующей стороны осуществляется в рамках дискурсивных исследований (Дискурс..., 2018; Вишневецкая и др., 2017; Блох, Алешина, 2015).

В публичном политическом дискурсе устрашение двунаправленно — воздействие осуществляется с целью вселить страх сообществу, к которому принадлежит оратор, и воздействие на другую сторону, участника реального или имитируемого конфликта, с целью продемонстрировать собственные силы и готовность участвовать в конфликте. В данном типе дискурса, как и во всех прочих, происходит не только формирование, но и «усвоение человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей» (Актуальные..., 2013, с. 5).

Основная содержательная часть текста публичного политического выступления может быть рассмотрена в рамках речей, которые представляют собой суждения, отражающие реальное положение вещей, либо гипотетические суждения о ситуации, объективированные в материале текста. Политики как непосредственные участники публичного дискурса «причастны к процессу создания, изменения и даже навязывания определенной картины мира» (Чупрына, Кригер, 2021 с. 42). При этом пропозиция обобщает идеи автора текста в логическом плане и разворачивается в фактуальном аспекте. В то же время подчеркнем, что пропозиция может быть сформулирована в отношении текста, погруженного в ситуацию общения, т. е. текста, имеющего характеристики дискурса (Алешина, 2020).

Методология исследования

Основу методологии исследования, результаты которого приведены в данной статье, составляет диктемный анализ текста. Понятие диктемы было предложено М. Я. Блохом в контексте дискуссии о иерархии единиц языка. Диктема является элементарной единицей текста, точнее единицей его тематизации, необходимой для существования текста. Диктема формируется предложениями как нижележащими в уровневой структуре языка единицами. (Блох, 2000). Диктему нельзя приравнять ни к абзацу, ни к сверхфразовому единству. В составе одного абзаца можно выделить несколько диктем. В диктеме реализуется когезия текста, а также его пресуппозиция. Диктема выражает различные аспекты речи: номинацию, предикацию, тематизацию, стилизацию, а также обеспечивает речевую последовательность. Носителем диктемной информации может быть как предложение, так и словосочетание либо слово, входящее в состав предложения. Диктема несет определенную информацию, которая

может быть распределена по отдельным рубрикам: фактуальная, эмотивная, эмоциональная и т. д. Важной функцией диктемы является стилизация, которая в конкретной ситуации общения обеспечивает необходимое воздействие на адресата, соответствующее коммуникативной цели высказывания. Процесс реализации функций номинации, тематизации и стилизации сопровождается формированием диктемной информации, которая может варьироваться. В информационном комплексе диктемы М. Я. Блох выделяет несколько рубрик информации, основными из которых являются следующие: коммуникативно-установочная информация (определяет тип речедеятельностного сотрудничества говорящего и слушающего согласно цели высказывания); фактуальная информация (отражает ситуацию, описываемую в диктеме в контексте фактов и их отношений); интеллективная информация (отражает движение рассуждений говорящего, а также ход его мыслей при оценке ситуации); эмотивная информация (связана с выражением чувств и эмоций говорящего); импрессивная информация (реализует выразительность текста и коннотацию целевого воздействия на слушающего посредством использования стилистических средств и приемов речи) и др. (Блох, 2000, с. 64–65).

Языковая репрезентация информации, инкорпорированной в каждый тип диктемы, складывается как набор единиц разных уровней, служащих средством манифестации вариантов рассматриваемой стратегии утрашения.

Наряду с диктемой понятийный аппарат представленного исследования включает в себя понятия «пропозиция» и «пресуппозиция». Учитывая многообразие трактовок понятия «пропозиция», на которое указывал еще в 1970-х гг. Дж. Лайонз (Lyons, 1977), авторы исходят из того, что в рамках анализа информационного содержания текста пропозиция означает «семантическая репрезентация» (semantic representation) (Brown, Yule, 2012, p. 108) и имеет непосредственное отношение к памяти, остающейся после прочтения текста. Она представляет собой не фактические слова, а идею, которую можно вспомнить («gist, but not the actual words, of a text can be recalled») относительно текста (Brown, Yule, 2012, p. 111). С этой точки зрения отдельное предложение, как и текст, нельзя рассматривать как имеющих одну пропозицию, они есть результат нескольких различных пропозиций (Brown, Yule, 2012, p. 115). Пресуппозиция, в свою очередь, трактуется как «предположение говорящего (оратора) о фонде релевантных знаний и, шире, личности слушающего (аудитории)» (Блох, 2012, с. 57). В сознании говорящего или пишущего складывается образ адресата, обладающего или не обладающего гибкостью мышления, придерживающегося полярных или компромиссных воззрений, разделяющего или не разделяющего определенные стереотипы.

Результаты исследования и дискуссия

Публичное выступление политика в условиях кризиса имеет двойную цель — на основе представленных фактов и оценок реальности обосновать

перед лицом своей аудитории решения, принимаемые властными элитами, и продемонстрировать противоположной аудитории, вовлеченной или вовлекаемой в кризис, решимость и готовность к принятию политических, военных и иных вызовов. Подобный дуализм отражается в содержательно-тематическом или пропозициональном аспекте текста публичной речи и определяет информацию, «которая и является предметом восприятия любого адресата речи» (Блох, 2000, с. 63). Наряду с потреблением информации происходит формирование в обществе ключевых идей, которые «присутствуют в головах говорящих как некие отпечатки общепринятых представлений» (Американская..., 2019, с. 17). Другой важной особенностью использования стратегии устрашения в кризисных выступлениях является относительный языковой баланс пропозициональных установок «мир в опасности» — «предотвращение опасностей», поскольку «переживания страха сопровождаются активными защитными действиями, направленными на нейтрализацию угрозы» (Баринов, 2019, с. 41).

В речи премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, США, в 1946 г., заложившей основы речевой стратегии устрашения в британском политическом дискурсе, присутствуют ведущие пропозиции, образующие стабильное семантическое ядро текста: 1) США являются главенствующей мировой державой (The United States stands at this time at the pinnacle of world power; mighty States; a solemn moment for the American Democracy; famous expression in the American Declaration of Independence; the decisive addition of the United States), генерирующей в любой момент времени всеобъемлющую стратегическую концепцию (overall strategic concept); 2) мир поделен на демократическое сообщество и тоталитарные системы (totalitarian systems <...> the free democratic world; the freedom and progress of all the homes and families of all the men and women in all the lands; great principles of freedom and the rights of man which are the joint inheritance of the English-speaking world; by free unfettered elections; freedom of speech and thought should reign; to obtain totalitarian control; police governments; political police; dictators; compact oligarchies); 3) англоговорящие народы и страны едины (the fraternal association of the English-speaking peoples; if we persevere together as we did in the two world wars; they work together at the common task as friends and partners); 4) простые люди нуждаются в защите от двух угроз — войны и тирании (the myriad cottage or apartment homes <...> must be shielded from the two giant marauders, war and tyranny). Выделенные пропозиции составляют «текстово-смысловые центры диктем» (Грицкова, 2018, с. 80) разных типов: установочной, оценочной, эмотивной и т. д., — и их манифестация имеет место в отдельном словосочетании (mighty States), сверхфразовом единстве (but we must never cease to proclaim in fearless tones the great principles of freedom and the rights of man...), отдельном абзаце (например, абзац, начинающийся со слов Let no man underrate the abiding power of the British Empire and Commonwealth) и во всем тексте выступления.

С использованием стратегии устрашения в публичной речи связан селективный характер фактуальной информации: из многочисленного набора фактов, соответствующих коммуникативной ситуации, события и явления избираются по предпочтению политика, диктемное представление которых становится объективной семантической константой страха: *our absolute victory in arms* «наша абсолютная победа в вооружении»; *awful ruin of Europe, with all its vanished glories, and of large parts of Asia* «ужасающие руины Европы, исчезнувшее величие Европы и значительной части Азии»; *famine stalks the earth* «голод охватывает Землю»; *the secret knowledge or experience of the atomic bomb* «секретные сведения или опыт [использования] атомной бомбы»; *if some Communist or neo-Fascist State monopolised for the time being these dread agencies* «если коммунистическое или неонацистское государство на какое-то время монополизировало бы эти смертоносные силы».

В текстах политических выступлений важную роль играют эмотивные мнемонические языковые средства, они способствуют установлению ассоциативной связи между фактуальной и эмотивной информацией, поскольку лучше запоминается то, что стилистически маркировано или обладает отрицательной коннотацией. Как отмечают исследователи, люди не склонны опровергать или анализировать большие базы данных, касающихся угроз, и потому даже пассивное слушание приводит к тому, что люди верят в то, что слышат (Ciovasco, 2022, с. 51). Эмотивы легче запоминаются и потому становятся знаками события или явления. Стратегия устрашения нацелена на создание страха, который «непрерывно соотносится с неким стимулом, объектом, содержащим конкретную угрозу человеку, его жизни, благополучию, здоровью» (Баринов, 2019, с. 41), из этого следует, что эмотивная информация не менее значима, чем фактуальная информация. В тексте выступления У. Черчилля в рамках стратегии устрашения имеет место пересечение фактуальной и эмотивной информации: так, фактуальная информация, ассоциированная со второй и третьей пресуппозициями, представлена лексемами *danger* — «опасность», *hunger* — «голод», *poverty* — «бедность», эмотивная — коннотативно окрашенными словами: *threat, peril, famine, privation*.

Пропозиции, заложенные в Фултонской речи У. Черчилля, наследуются последующими британскими политиками и обеспечивают единство диктемого или тематико-содержательного слоя текста их публичных выступлений.

В своем выступлении 20 мая 1982 г. по поводу конфликта вокруг Фолклендских островов британский премьер-министр М. Тэтчер информирует членов Палаты общин о сложившейся ситуации, связанной с тем, что в результате проведенной военной операции Аргентина установила контроль над островами. М. Тэтчер подчеркивает меры, которые необходимо принять в ответ. Основными пропозициями рассматриваемого публичного выступления являются следующие:

1. Аргентина нарушила резолюцию Совета Безопасности и отказалась от британских предложений по сотрудничеству в целях урегулирования

кризиса (Argentina has continued to defy the mandatory resolution of the Security Council; total rejection; Argentina <...> rejected them).

2. Великобритания и Аргентина противостоят как демократическая и диктаторская страны (The principles we are defending <...> are the principles of democracy and the rule of law Why should they lose that freedom and exchange it for dictatorship?).

Сопоставление текстов речей У. Черчилля и М. Тэтчер свидетельствует о том, что оппозиция *демократические страны* — *тоталитарные страны*, продекларированная в речи У. Черчилля, становится семантической константой политического выступления в период кризиса и тексто-семантическим центром речевой стратегии устрашения.

В установочной диктеме отсутствуют прямые обращения к противнику, стратегия устрашения реализуется путем косвенной адресации в высказываниях, обращенных к Палате общин. Глагольные предикаты формируют коммуникативную категорию категоричности в диктемном строе текста и отражают безапелляционную позицию оратора: «Sovereignty cannot be changed by invasion. The liberty of the Falkland Islanders must be restored» (M. Thatcher, 1982). Категория категоричности проявляется в диктемной организации текста выступления У. Черчилля с той разницей, что в его речи использовались иные, соответствовавшие тому периоду развития английского языка модальные средства, а именно предикаты с глаголом shall: we shall all be proved again unteachable; shall guide and rule the conduct of the English-speaking peoples in peace.

Приведенная диктема может быть отнесена к установочному типу, поскольку в ней отмечается преобладание коммуникативно-установочной информации. Ясно выраженная установка сопровождается обвинениями в адрес Аргентины, инкорпорированными в диктему фактуально-оценочного типа, в которой реализация речевого акта обвинения связана с актуализацией фактуальной информации (Argentina began this crisis. Argentina has rejected proposal after proposal). При этом оценочность формируется посредством импрессивной информации, выраженной синтаксическим параллелизмом, повтором слова Argentina, эпитетами peaceful settlement, illegal possession.

К периоду эскалации военного конфликта относится и речь британского премьер-министра Т. Блэра 20 марта 2003 г., в которой он сообщает о решении присоединиться к США в военной кампании в Ираке (Blair, 2003). Цель выступления — обосновать принятое решение путем устрашения британцев. Премьер-министр опирается на заложенную У. Черчиллем пропозицию — мир делится на демократические и тоталитарные системы. Данная пропозиция усложняется за счет инкорпорирования смысла *терроризм*. Текстовая и языковая репрезентация левой части противопоставления (демократические системы) остается постоянной: our way of life, freedom, our democracy; репрезентация его правой части меняется за счет установления семантической и ассоциативной связи между системами, которых не относят к демократическим, и тиранией (tyrannical states) и терроризмом (the terrorists delight; in the frontline of action against terrorism). Другая, наследуемая из речи У. Черчилля пропозиция — люди

нуждаются в защите от угроз, которую должны предоставить демократические страны, — активно эксплуатируется в стратегии устрашения (Churchill, 1946–1963). Изучение речей У. Черчилля, М. Тэтчер и Т. Блэра установило, что в данной пропозиции меняется субъект, провоцирующий угрозу (Soviet Russia, Argentina, Saddam), но его знаковая номинация остается прежней — *dictator, dictatorship*. В информационном комплексе диктемной организации речи Т. Блэра коммуникативно-установочная информация (*Removing Saddam will be a blessing to the Iraqi people*) связана с фактуальной информацией (*Four million Iraqis are in exile. Sixty per cent of the population are dependent on food aid...*) и эмотивной информацией (*Our enemy is not you, but your barbarous rulers*).

В выступлениях М. Тэтчер и Т. Блэра стратегия устрашения сопровождается умеренной агональностью высказывания, поскольку ораторы находятся в рамках дипломатических канонов. По сравнению с приведенными выступлениями, современный дискурс политического конфликта более агонален, что можно проиллюстрировать примерами из речи британского премьер-министра Б. Джонсона на Мюнхенской конференции по безопасности 19 февраля 2022 г.: *If Ukraine is invaded the shock will echo around the world and those echoes will be heard in East Asia and they will be heard in Taiwan*. В этом предложении угроза выражена не только с помощью условного предложения и метафоры, но и поддерживается пресуппозицией, относящейся к спорному международному статусу Тайваня. Речь Б. Джонсона отмечена реализацией трех пропозиций, исходно содержащихся в Фултонской речи У. Черчилля: Запад един; Великобритания (Запад) есть носитель демократических устоев; простые люди должны быть защищены от существующей угрозы агрессии. Что касается первой пропозиции, то ее семантический объем, в сравнении с выступлением У. Черчилля, расширился: в 1946 г. речь шла о единении англоговорящих народов, Б. Джонсон оперирует более широкими, хотя и менее определенными понятиями *the unity of the West* и *trans-Atlantic cooperation*.

Как и в предыдущих рассмотренных выступлениях, оратор использует стратегию устрашения с целью аргументировать правильность выбранного курса, что можно проследить, например, в следующей диктеме: *If Ukraine is invaded and if Ukraine is overwhelmed, we will witness the destruction of a democratic state, a country that has been free for a generation, with a proud history of elections* (Johnson, 2022).

Фактуальная информация подвергается эмоционализации за счет синтаксических повторов: *And every time that Western ministers have visited Kyiv, we've assured the people of Ukraine and their leaders that we stand four-square behind their sovereignty and independence. How hollow, how meaningless, how insulting those words would seem if — at the very moment when their sovereignty and independence is imperilled — we simply look away*.

В своей речи Б. Джонсон перечисляет количественные данные относительно военного потенциала сторон конфликта, за счет чего происходит устрашение своей аудиторией и оправдание собственной позиции, а также устрашение

противоположной стороны. Другим речевым средством устрашения, направленного на противную сторону, являются условные предложения: «If dialogue fails and if Russia chooses to use violence <...> then we at this conference should be in no doubt that it is in our collective interest that Russia should ultimately fail and be seen to fail» (B. Johnson, 2022).

Устрашение как коммуникативную стратегию можно проследить и в следующей диктете выступления. Б. Джонсон рисует мрачную картину многочисленных потерь российских военных: «I fear that a lightning war would be followed by a long and hideous period of reprisals and revenge and insurgency, and Russian parents would mourn the loss of young Russian soldiers, who in their way are every bit as innocent as the Ukrainians now bracing themselves for attack» (Johnson, 2022).

Установочно-оценочная диктета отмечена актуализацией коммуникативно-установочной информации в сочетании с эмотивной информацией (I fear that a lightning war would be followed..., and Russian parents would mourn...). При этом оценочность формируется наряду с эмотивной информацией, также и импрессивной информацией, обусловленной использованием эпитетов и перечисления (a long and hideous period of reprisals and revenge and insurgency), сравнения (as innocent as the Ukrainians).

Заключение

Устрашение как речевая стратегия используется для аргументации действий политиков в кризисной ситуации перед британской аудиторией и для демонстрации силы перед противостоящей стороной конфликта.

Ведущие пропозиции, характерные для стратегии устрашения, и тексто-смысловые константы публичных выступлений британских политиков были заложены в Фултонской речи У. Черчилля в 1946 г. Их инвариантами являются следующие:

- США занимают доминирующее положение в мире;
- мир разделен на демократические и тоталитарные системы;
- англоговорящие страны / Запад едины;
- в мире существуют угрозы, защиту от которых простым людям способны предоставить демократические страны.

В речах У. Черчилля, М. Тэтчер, Т. Блэра и Б. Джонсона наблюдается вариативность в раскрытии данных пропозиций — от эксплицитного, стилистически маркированного обозначения положения США в мире (at the pinnacle of world power) до имплицитного представления США как центра принятия самых жестких решений (The UK has worked with the European Union and the United States to put together the toughest and strongest package of sanctions). Репрезентация разделения мирового сообщества в период после 1946 г. впоследствии осложняется расширением правого члена оппозиции (недемократические

страны) за счет присоединения таких языковых единиц, как *terrorist, terrorism*. Утверждение о братской связи англоговорящих народов (*fraternal association of the English-speaking peoples*) как языковой символ единства англоговорящих народов, т. е. Британской империи, Содружества наций и США (*a special relationship between the British Commonwealth and Empire and the United States*) в речи Б. Джонсона сменяется собирательным языковым знаком *the West*.

Устрашение актуализируется за счет наложения фактуальной и эмотивной информации благодаря параллельному использованию нейтральной и эмоционально окрашенной лексики. В целом устрашение как речевая стратегия опирается на представление разных типов диктемной информации: фактуальной, оценочной и эмотивной.

Список источников

1. Thomas, K., Kilmann, R. (1974). *The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument*. Mountain View, CA.
2. Greene, R. (2018). *The 33 Strategies of War*. <https://irp-cdn.multiscreensite.com/cb9165b2/files/uploaded/The%2033%20Strategies%20of%20War%20%28%20PDFDrive.com%20%29.pdf>
3. Ozyumenko, V. I., Larina, T. V. (2021). Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 3(25), 746–766. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>
4. Furedi, F. (2018). *How Fear Works: Culture of Fear in the Twenty-First Century*. Bloomsbury Publishing.
5. Ciovacco, C. (2020). The Shaping of Threat Through Narration. *Journal of Strategic Security*, 2(13), 48–63. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/26918084>
6. Холодова, Д. Д., Манаенко, Г. Н., Плотникова, С. Н. [и др.]. (2018). *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. В О. А. Сулейманова (ред.). URSS.
7. Вишневецкая, Н. А., Козлова, О. П., Романова, О. Н. (2017). Понятие речевых стратегий и дискурс. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 10–3(76), 86–89. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rechevyh-strategy-i-diskurs>
8. Блох, М. Я., Алёшина, Е. Ю. (2015). Дискурсивное выражение стратегии устрашения в политическом тексте конфликтной ситуации (на материале английского языка). *Политическая лингвистика*, 2(52), 75–79.
9. Сергеева, В. П., Подымова, Л. С., Сороковых, Г. В. [и др.]. (2013). *Актуальные каналы социализации личности: от теории к технологиям: коллективная монография*. В В. П. Сергеева (ред.). АПКИППРО.
10. Чупрына, О. Г., Кригер, Е. И. (2021). Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(41), 42–52. DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05
11. Алёшина, Е. Ю. (2020). *Публичное выступление, посвященное политическому конфликту*. Прометей.
12. Блох, М. Я. (2000). Диктема в уровневой структуре языка. *Вопросы языкознания*, 4, 56–67.

13. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge University Press.
14. Brown, G., Yule, G. (2012). *Discourse Analysis*. Cambridge University Press.
15. Блох, М. Я. (2012). Философия регуляции речевого общения: от диалога личностей к диалогу культур. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2(18), 53–59.
16. Афанасьева, О. В., Баранова, К. М., Машошина, В. С., Чупрына, О. Г. (2019). *Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство*. Диона.
17. Баринов, Д. Н. (2019). Страх как социальный феномен. *Гуманитарный научный вестник*, 2, 39–48. <http://naukavestnik.ru/doc/gv1902Barinov.pdf>
18. Грицкова, А. В. (2018). Смысловые авторско/нарраторские центры текста. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5–1(83), 80–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovye-avtorsko-narratorskie-tsentry-teksta>
19. Thatcher, M. (1982). *Falkland Speech* (May 20, 1982). <http://www.nytimes.com/1982/05/21/world/text-of-falkland-speech-by-prime-minister-thatcher-in-house-of-commons.html?pagewanted=all>
20. Blair, T. (2003). *Britain Has Never Been a Nation to Hide at the Back* (March 20, 2003). <https://www.theguardian.com/politics/2003/mar/21/uk.iraq>
21. Churchill, W. (1946–1963). *The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech')* (June 10, 2022). <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace>
22. Johnson, B. (2022). *Speech at the Munich Security Conference 2022* (February 19, 2022). <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-the-munich-security-conference-19-february-2022>

References

1. Thomas, K., Kilmann, R. (1974). *The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument*. Mountain View, CA.
2. Greene, R. (2018). *The 33 Strategies of War*. <https://irp-cdn.multiscreensite.com/cb9165b2/files/uploaded/The%2033%20Strategies%20of%20War%20%28%20PDFDrive.com%20%29.pdf>
3. Ozyumenko, V. I., Larina, T. V. (2021). Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 3(25), 746–766. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>
4. Furedi, F. (2018). *How Fear Works: Culture of Fear in the Twenty-First Century*. Bloomsbury Publishing.
5. Ciovacco, C. (2020). The Shaping of Threat Through Narration. *Journal of Strategic Security*. 2(13), 48–63. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/26918084>
6. Kholodova, D. D., Manaenko, G. N., Plotnikova, S. N. [et al.]. (2018). *Discourse as a universal matrix of verbal interaction*. In O. A. Suleimanova (Ed.). URSS. (In Russ.).
7. Vishnevetskaya, N. A., Kozlova, O. P., Romanova, O. N. (2017). The concept of speech strategies and discourse. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10–3 (76), 86–89. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rechevyh-strategy-i-diskurs> (In Russ.).
8. Bloch, M. Ya., Aleshina, E. Yu. (2015). Discursive Expression of the Strategy of Deterrence in the Political Text of a Conflict Situation (on the Material of the English Language). *Political Linguistics*, 2(52), 75–79. (In Russ.).

9. Sergeeva, V. P., Podymova, L. S., Sorokovykh, G. V. [et al.]. (2013). *Actual channels of personality socialization: from theory to technology: collective monograph*. In V. P. Sergeev (Ed.). APKiPPRO. (In Russ.).
10. Chupryna, O. G., Krieger, E. I. (2021). Linguistic representation of sociopolitical reality in the discourse of the American media. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(41), 42–52. DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05 (In Russ.).
11. Aleshina, E. Yu. (2020). *Public speaking about a political conflict*. Prometheus. (In Russ.).
12. Bloch, M. Ya. (2000). Dikteme in the level structure of the language. *Voprosy' Yazy'-koznaniya*, 4, 56–67. (In Russ.).
13. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge University Press.
14. Brown, G., Yule, G. (2012). *Discourse Analysis*. Cambridge University Press.
15. Bloch, M. Ya. (2012). Philosophy of the regulation of speech communication: from the dialogue of individuals to the dialogue of cultures. *The ISLU Philological Review*, 2(18), 53–59. (In Russ.).
16. Afanas'eva, O. V., Baranova, K. M., Mashoshina, V. S., Chupryna, O. G. (2019). *American cultural and linguistic picture of the world of the 19th century: time, freedom, fate, loneliness, dignity*. Dion. (In Russ.).
17. Barinov, D. N. (2019). Fear as a social phenomenon. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2, 39–48. <http://naukavestnik.ru/doc/gv1902Barinov.pdf> (In Russ.).
18. Gritskova, A. V. (2018). Semantic author/narrator centers of the text. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 5–1(83), 80–86. <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovye-avtorsko-narratorskie-tsenry-teksta> (In Russ.).
19. Thatcher, M. (1982). *Falkland Speech* (May 20, 1982). <http://www.nytimes.com/1982/05/21/world/text-of-falkland-speech-by-prime-minister-thatcher-in-house-of-commons.html?pagewanted=all>
20. Blair, T. (2003). *Britain Has Never Been a Nation to Hide at the Back* (March 20, 2003). <https://www.theguardian.com/politics/2003/mar/21/uk.iraq>
21. Churchill, W. (1946–1963). *The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech')* (June 10, 2022). <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace>
22. Johnson, B. (2022). *Speech at the Munich Security Conference 2022* (February 19, 2022). <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-the-munich-security-conference-19-february-2022>

Информация об авторах

Ольга Геннадьевна Чупрына — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Екатерина Юрьевна Алешина — кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета.

Information about the authors

Olga G. Chupryna — Doctor of Philology, professor, full professor of English Philology Department, Institute of foreign languages, Penza State University.

Ekaterina Yu. Aleshina — PhD (History), Docent, Head of Department of Foreign Languages and FLT Methodology, V. G. Belinsky Pedagogical Institute, PSU.

Вклад авторов:

Чупрына О. Г. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Алешина Е. Ю. — написание исходного текста; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Chupryna O. G. — scientific guidance; research concept; development of methodology; revision of the text; final conclusions.

Alyoshina E. Yu. — writing the source text; research concept; development of methodology; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.